

УДК 821.133.1 (091)

ДВОЙНИЧЕСТВО КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНАХ РАЙМОНА КЕНО

© 2010 М.С.Досковская

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Статья поступила в редакцию 25.01.2010

В статье рассматриваются двойниковые модели как один из способов организации системы персонажей в романах французского писателя XX века Раймона Кено.

Ключевые слова: модернизм, организация художественного текста, система персонажей, принцип повторения, двойниковые модели.

Согласно эстетической концепции Р.Кено главной задачей литературы является поиск Золотого века: роман оказывается способом преодоления истории и интеграции человека в мировой порядок. Поиски Золотого века осуществляются в романах Р.Кено на разных уровнях – как на уровне фабулы, так и на уровне структуры произведения. Чтобы «перенести» счастье Золотого века в роман, писатель уделяет особое внимание художественной форме, ориентирует роман на поэзию, из которой заимствует два типа формальных ограничений в построении текста – количественные и порядковые.

Важнейшим порядковым ограничением в поэзии выступает требование повторения, действию которого подчиняется и организация системы персонажей в романах Р.Кено. Как справедливо отмечает В.Кислов, писатель строго соблюдает закон рекуррентности персонажей, которые «на своём уровне участвуют в строительстве и рифмовке романов»¹. Построение системы персонажей по принципу повторения подтверждает и сам писатель в многочисленных беседах и интервью: «персонажи появляются ритмично, в определённый момент и в определённом месте»², «можно рифмовать <...> персонажей, как рифмуешь слова»³. Действие принципа повторения в организации системы персонажей приводит к появлению во всех романах Р.Кено многочисленных персонажей-двойников. Н.Т.Рымарь характеризует двойничество как один из способов сюжетно-

композиционного развёртывания образа, при котором «образ разрабатывается при помощи введения персонажей, которые выступают как его отражения, ведущие самостоятельную жизнь, – в них получают осуществление, акцентуацию и свободное развёртывание какие-то стороны его личности»⁴.

Отличительная черта истории – изменчивость – проявляется не только в событиях, но и в человеческой личности, человеческое бытие также становится в истории загадкой. Принцип повторения персонажей в романах Р.Кено призван, в первую очередь, сложить воедино разрозненные половинки одной личности, утвердить бытие человека в его целостности (курсив наш – М.Д.) и преодолеть, тем самым, изменчивую и нестабильную историю. Так, принцип повторения в организации системы персонажей упорядочивает повествование, связывает его с трансцендентным, с мудростью и гармонией Золотого века.

В романе «Мой друг Пьеро» в центре повествования оказывается двойниковая пара Прадоне-Муннзерг. Их активное противостояние выполняет в романе сюжетобразующую роль. Прадоне стремится любой ценой выжить Муннзерга с его земли, чтобы заполучить под Парк развлечений территорию часовни, хранителем которой и является Муннзерг, но тот мужественно отвергает все предложения своего оппонента, несмотря на то, что соседство с Парком делает его жизнь невыносимой. Противопоставление двух персонажей проходит по линии «профанное / сакральное», они относятся к разным мирам: Эсеб Прадоне представляет профанный универсум своего Юнипарка, а Муннзерг принадлежит универсуму сакральному, образованному могилей принца Луиджи и часовней таинственных польдевских князей.

⁰ Досковская Мария Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, межкультурной коммуникации и социально-культурного сервиса. E-mail: MS_Doskovskaya@mail.ru

¹ Кислов В. Послесловие // Кено Р. Упражнения в стиле: Романы, рассказы и др. – СПб.: 2001. – С. 576.

² Queneau R. Entretiens avec Georges Charbonnier. – Paris: Gallimard, 1962. – P. 49.

³ Queneau R. Bâtons, chiffres et lettres. – Paris: Gallimard, 1973. – P. 42.

⁴ Рымарь Н.Т. Поэтика романа / Под ред. С.А.Голубкова. – Куйбышев: 1990. – С. 86.

Вместе с тем, два непримиримых соперника – Муннзерг и Прадоне – неразрывно связаны, неотделимы друг от друга. По мнению С.З.Агранович и И.В.Саморуковой, важнейшим признаком любого двойничества оказывается наличие у его агентов общих корней, при этом «выражение «общие корни» следует понимать достаточно широко, включая в него любые рудименты первоначального единства»⁵. Мир сакральный и мир профанный, представляемые Муннзергом и Прадоне соответственно, не могут существовать самостоятельно, борьба и единство этих противоположностей организуют в романе единый «исторический» мир. Экономическое развитие и религиозные культы оказываются разными полюсами одного и того же явления, человеческой истории⁶. Территория, которую вместе занимают Парк развлечений и часовня, имеет форму правильного, идеального, четырёхугольника; когда таинственный пожар разрушает профанный универсум Юнипарка, мифический универсум часовни исчезает сам собой, утратив своего «оппонента», в противопоставлении которому он, собственно, и существовал.

Отношения, в которых состоят друг с другом Прадоне и Муннзерг, можно определить как антагонистическое двойничество⁷. Типичные двойники-антагонисты, они принадлежат разным мирам, конкурируют друг с другом, переживают конфликт. В их случае речь не идёт о модели контрастного социума, противостояние двух персонажей не носит социального характера, но принимает в романе, скорее, гносеологическую форму: Прадоне и Муннзерг воплощают две различные гносеологические позиции, две альтернативные модели отношения человека к миру внутри истории.

Пример этого же типа двойничества обнаруживается в романе Р.Кено «Голубые цветочки». Как и пара Муннзерг / Прадоне, Сидролен и герцог д'Ож по-своему иллюстрируют два разных способа познания действительности: герцог познаёт мир с помощью собственных активных действий, а Сидролен предпочитает следовать принципам восточной философии и идти к Мудрости путём внутреннего созерцания. Несмотря на существенное различие гносеологических позиций, Сидролен и герцог д'Ож имеют множество сходных характеристик, свидетельствующих об их изначальном единстве. Так,

оба вдовцы, воспитывающие дочерей-тройняшек; оба обожают укропную настойку и вкусную еду. Оба художники, причём выясняется, что и Сидролен, и герцог не истинные творцы, а скорее, поддельщики: Сидролен рисует надписи на заборе, имитируя некоего безвестного злоумышленника, в то время как герцог подделывает наскальные рисунки в пещерах Перигора, пытаясь выдать их за творения преадамитов. Кроме того, два персонажа попадают в сходные ситуации: герцог женится на дочери бедного дровосека Руссуле Пеке, а Сидролен принимает в это время на работу новую помощницу по хозяйству Лали; герцог д'Ож разыскивает в Перигоре следы преадамитов, а дочь Сидролена Ламелия едет туда в свадебное путешествие с гортранспортистом.

Сидролен и герцог выступают в романе двумя половинками одной и той же личности, то есть представляют собой один *раздвоенный персонаж*⁸. Их «родство» отчётливо проявляется на уровне физиологии и чувственного восприятия: кажется, они представляют собой единый организм. Когда Сидролен съедает несвежего омара, герцог просыпается с ощущением тяжести в желудке; в тот момент, когда виконт де Голодрань вполголоса разговаривает с герцогом, Сидролен больше не слышит на улице ни шума машин, ни шагов тысяч прохожих. Герцог д'Ож и Сидролен имеют не только общее тело, но и общее сознание, на что указывают диалоги, содержащие резкие переходы реплик от одного персонажа к другому. Например, в разговоре с виконтом де Голодрань герцог произносит фразу: «Ей-богу! <...> Вы говорите как пописаному, словно книг начитались» (FB, 75)⁹. Следующая реплика принадлежит уже Сидролену и произносится в контексте диалога последнего с гортранспортистом, однако семантически эта реплика явно соотносится с фразой герцога: «По-моему, я читал это в книгах» (FB, 76).

По мнению М.-Н.Кампана-Рошфор, в «Голубых цветочках» Раймона Кено присутствует игра на личностном статусе персонажа, который оказывается одновременно и самим собой, и другим¹⁰. Неслучайно роман предварен авторским вступлением, где прямо спрашивается: «Герцогу д'Ож снится, что он Сидролен, но не Сидролену ли снится, что он герцог д'Ож?» (FB, 7). Сидролен и герцог сняты друг другу,

⁵ Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. – Самара: 2001. – С. 21.

⁶ Macherey P. Raymond la Sagesse // Queneau aujourd'hui: Actes du colloque Raymond Queneau, Université de Limoges, mars 1984 / Présentés par G.-E. Clancier. – Paris: Clancier-Guénaud, 1985. – P. 23.

⁷ Агранович С.З., Саморукова И.В. Указ. соч. – С. 22.

⁸ Кислов В. Указ. соч. – С. 568.

⁹ Здесь и далее цит. по: Queneau, R. Les fleurs bleues. – Paris: Gallimard, 2004. – 275 p. В скобках указывается название произведения (FB) и номер страницы.

¹⁰ Campana-Rochefort, M.-N. Les nombres des Fleurs bleues // Queneau aujourd'hui: Actes du colloque Raymond Queneau, Université de Limoges, mars 1984 / Présentés par G.-E. Clancier. – Paris: Clancier-Guénaud, 1985. – P. 172.

каждый из героев является одновременно и самостоятельным персонажем, и всего лишь двойником второго; оба они и реальны, и условны. По словам С.Кассейр, в романе «Голубые цветочки» «эффект зеркала работает в двух направлениях»¹¹.

В отличие от двойниковой пары Муннзерг / Прадоне, Сидролен и герцог разведены композицией романа: на протяжении большей части повествования основным связующим звеном между героями-двойниками, половинками одной личности, остаётся сон: во сне д'Ож и Сидролен ощущают, что они живут другой жизнью, являются кем-то другим. В тот момент, когда засыпает герцог, просыпается Сидролен, и наоборот. Не случайно, когда в финале они встречаются, оба обретают, наконец, крепкий здоровый сон без сновидений.

Посредством сна осуществляется и противостояние Сидролена и герцога д'Ож, разворачивается их романский конфликт: они не могут спокойно спать, мучаются сновидениями, пытаются избавиться от них, «выжив», тем самым, своего соперника. Одновременно сны становятся для каждого из противников стимулом к дальнейшему познанию: герцог узнаёт новые слова и пытается понять их значение, а Сидролен словно присутствует на уроках истории, осмысливает исторические события в их причинно-следственной связи.

В романе «День святого Жди-не-жди» жёсткая бинарная оппозиция, лежащая в самой основе явления двойничества, уже утрачивает свою силу. Здесь двойников-антагонистов оказывается не двое, а трое, что свидетельствует о смягчении этой двойниковой оппозиции, о некотором «размывании» формы¹². Акцент приобретает сам повтор как таковой, вне зависимости от любых проявлений бинарности. Персонажами-антагонистами выступают в произведении три сына мэра Набонида, три брата – Пьер, Поль и Жан. Таким образом, как и в случае с Аньес и Ноэми де Шамбернак, кровное родство маркирует изначальное единство героев.

Противопоставление трёх братьев Набонидов осуществляется также на основании различия их гносеологических позиций: они представляют три принципиально различных взгляда на «настоящую» жизнь, три «царства» – подчеловеческое (Пьер, рыбы), человеческое (Поль, Родимый город) и надчеловеческое (Жан, Знойные холмы). Хотя их конкуренция не приобретает в романе форму открытого конфликта, они являются антагонистами, потому что во-

площают взаимоисключающие, по сути, решения конфликта человека и природы.

Таким образом, все двойники-антагонисты в романах Р.Кено противопоставляются друг другу прежде всего по характеру отношения к миру, по тому способу, которым осуществляется взаимодействие человека с миром. А в основе объединения этих персонажей в двойниковую пару оказывается стремление писателя сопоставить различные модели познания и, главное, сложить их воедино в целостном завершённом образе-персонаже, утвердить, тем самым, бытие человека. Двойничество в романах Р.Кено в полной мере выступает в качестве особого способа сюжетно-композиционного развёртывания образа героя – способа, направленного на достижение фундаментальной цели писателя: преодоление рассказываемой в романе истории. Удвоение персонажа за счёт введения в повествование его «антипода», соперника, реализующего иную гносеологическую модель – не единственный тип двойниковых отношений, пронизывающих всю систему персонажей романов Р.Кено.

М.М.Бахтин в работе, посвящённой поэтике романов Ф.М.Достоевского, вводит понятие карнавальных или «развенчивающих» двойников, так или иначе пародирующих ведущего персонажа¹³. С взглядами М.М.Бахтина существенно перекликаются идеи О.М.Фрейденберг, сосредотачивающей свой исследовательский интерес на двойниках-дублерах. Они принадлежат одному миру и дополняют друг друга, находятся, в отличие от антагонистов, в отношениях взаимозамещения, а не противостояния¹⁴.

В произведениях Р.Кено обнаруживается немало примеров таких карнавальных двойников. Например, в романе «Дети Ила» присутствуют сразу две типичных карнавальных пары: одну пару образуют Даниэль де Шамбернак и его дядя Астольф Лимон, другая пара представлена Анри де Шамбернаком и его тайным помощником Пюрпюланом. В обеих парах устанавливается весьма чёткая иерархия, на первый план выступают отношения патронажа, завязывающиеся между героями. Один из пары берёт на себя роль «главного», «старшего» – Анри де Шамбернак принимает под своё крыло Пюрпюлана, предоставляет ему кров и работу, а Астольф Лимон становится своего рода советчиком и наставником Даниэля в аскетичной жизни парижских тряпичников. Шамбернак / Пюрпюлан и Астольф / Даниэль принадлежат одному миру, между ними нет

¹¹ Cassayre S. Les Fleurs bleues de R. Queneau. Lectures d'une oeuvre. – Paris: Editions du temps, 1999. – P. 40.

¹² См. подробнее: Агранович С.З., Саморукова И.В. Указ. соч.

¹³ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: 1979. – С. 149.

¹⁴ Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: 1997. – С. 210.

соперничества, они – сотрудники, разделяющие на двоих все многочисленные беды и страдания, выпадающие на их долю. Как замечают С.З.Агранович и И.В.Саморукова, карнавальные двойники находятся в оппозиции по отношению ко всему остальному миру, и их столкновение с этим миром зачастую связывается с хронотопом дороги, с мотивом путешествия¹⁵. Во всех романах Р.Кено этим путешествием двойников-дублёров всегда оказывается поиск Мудрости, трудный путь познания.

В романе «День святого Жди-не-жди» карнавальная парой являются Никомед и Никодем – два убогих калеки, живущих у подножья Знойных холмов. Их маргинальность, чуждость остальному миру, маркируется в романе и особым местом их обитания: родимогородцы выселяют паралитика и слепца за пределы Города, избегают любых контактов с ними, словно стараются забыть об их существовании:

«Les commerçants de la ville viennent tous les huit jours poser à une lieue de leur porte

Les quelques nourritures suffisantes à leur saillistences desséchées

Puis s'enfuient et retournent au plus vite récupérer les quelques ganelons de la piètre pitance

En présentant une facture en bonne et due forme au Maire de la Ville Natale» (SG, 103)¹⁶.

Иерархическое неравенство в этой паре практически отсутствует: здесь не может быть «главного», калеки завязят друг от друга, не могут существовать самостоятельно. Никодем и Никомед гуляют по саду, один взобравшись на плечи к другому, когда наверху слепец, «не так далеко они могут уйти» (SG, 104), во-первых, потому что паралитик передвигается с трудом, а во-вторых, потому что сидящий наверху слепец не видит дороги. Так, оба Нико идеально дополняют друг друга. Никодем и Никомед вместе воплощают образ единого существа, отверженного Богом и людьми, но стремящего к познанию и к счастью: Никодем и Никомед живут вестями из Города, ждут целый год праздника Весенника, чтобы спуститься к людям и стать частью родимогогородского универсума гармонии.

Отношения Габриэля и Шарля («Зази в метро») также могут интерпретироваться как

отношения внутри карнавальная пары – Шарль выступает в романе извечным спутником, другом и наперсником Габриэля. В этой двойниковой паре Габриэль становится «господином», Шарль слушает его указания, подчиняется ему. Как и все карнаральные двойники, оба приятеля – своего рода маргиналы, они трудятся ночами, когда все «порядочные люди» уже давно спят, их социальный статус неясен, размыт. Габриэль переодевается в женское платье, красит губы и танцует в таком образе в клубе «Золотой петух», пользуясь дурной славой; Шарль работает ночным таксистом, подвозит на собственном автомобиле публику не менее сомнительную, чем репутация «Золотого петуха».

В романе «Голубые цветочки», как и в «Детях Ила», обнаруживается сразу две ярких карнаральные пары, и обе они принадлежат универсуму герцога д'Ож – Онезифор Биротон / дьякон Рифент и кони герцога Демосфен / Стефан. В обеих парах заметны иерархические отношения. Дьякон Рифент является помощником аббата и появляется только как сопровождающее лицо Биротона (за исключением финала повествования, где Биротон полностью исчезает, уступив своё место Рифенту) (FB, 85, 150, 171, 177); Стеф также играет подчинённую роль по отношению к Демосфену, Демосфен – конь самого герцога, а Стефан возит его пажа.

Общественный статус персонажей-двойников в романе весьма сомнителен. Кони герцога умеют разговаривать, то есть наделяются волшебным и «нетипичным» для животных даром, их появление в таверне «Три звезды» становится настоящей сенсацией для горожан. Аббат Биротон и дьякон Рифент также не похожи на «правильных» служителей культа: они дерутся, любят вкусно поесть и увлекаются спиртными напитками. Кроме того, Рифент в итоге вообще отворачивается от Бога, уверовав в существование людей до Адама (FB, 227).

Карнаральные двойники в романах Р.Кено сражаются со всем миром в поисках собственной Мудрости, идут трудной дорогой познания. Они выступают не друг против друга, а вдвоём против остального мира. В романе «Полёт Икара» два приятеля-романиста, Юбер и Сюрже, становятся, напротив, именно соперниками: Юбер обвиняет Сюрже в похищении¹⁷ Икара, центрального персонажа своего нового романа, и весь сюжет закручивается вокруг того, кто из писателей сумеет быстрее обнаружить беглеца. На первый взгляд, Юбер и Сюрже кажутся двойниками-антагонистами, но, в отличие от

¹⁵ Агранович С.З., Саморукова И.В. Указ. соч. – С. 35.

¹⁶ Цит. по: Queneau R. Saint Glinglin. – Paris: Gallimard, 1997. – 267р. В скобках указывается название произведения (SG) и номер страницы.

Приезжают сюда раз в неделю торговцы и от дверей оставляют в миле

Для стухществований этих усохших пищу в достаточной мере,

А затем убегают, чтоб возвратиться в город поспешно и получить ганелонов горсть за мизерный провиант, Счёт, оформленный по образцу, как должно представив Мэру Родимого Города.

¹⁷ Слово vol, фигурирующее в названии романа имеет во французском языке несколько значений, в том числе полёт и кража.

«типичных» антагонистов, они принадлежат одному миру, занимаются хотя и не общим, но одним и тем же делом – оба пишут романы. Отношения внутри этой двойниковой пары на протяжении всего повествования выстраиваются Р.Кено как соперничество, противоборство, но постепенно открывается мнимость их конфликта, и обнаруживается функциональная идентичность персонажей. С.З.Агранович и И.В.Саморукова предлагают именовать такой тип двойниковых отношений близнецной моделью¹⁸.

Двойники-близнецы принадлежат одному миру и связываются отношениями тождества; их противостояние лишь поначалу выглядит как подлинный конфликт, но в процессе развёртывания сюжета они оба оказываются жертвами внешних по отношению к ним обстоятельств. Так происходит и с парой Юбер / Сюрже: как и Икар, персонаж нового романа Сюрже также сбегает от него, заставляя писателя бросаться в погоню. Романисты без персонажей, Юбер и Сюрже становятся неудачниками с абсолютно одинаковой, идентичной судьбой; роли, которые они сами играют в романе Р.Кено, по сути, ничем не отличаются друг от друга. Их отношения – не противостояние, но и не взаимодополнение; близнецная модель предполагает удвоение персонажей по принципу их функционального тождества.

Как мы определили, в романах Р.Кено присутствуют три основных типа персонажей-двойников – антагонисты, карнавалы и близнецы. Однако не исключается и пересечение разных типов двойничества. Например, отношения внутри двойниковой пары Прадоне / Муннзерг («Мой друг Пьеро») определяются как антагонистические, но в них также вплетаются особенности, свойственные близнецному типу двойничества. В итоге, оба извечных соперника терпят сокрушительное поражение от истории, в этой паре нет победителя – они оба идут к Мудрости «неправильной» дорогой, поэтому конфликт их интересов оказывается в романе, по сути, мнимым, иллюзорным. Функции Прадоне и Муннзерга в повествовании в некотором смысле тождественны, поэтому эти двойники-антагонисты могут рассматриваться и в качестве близнецной пары. Итак, в полном соответствии с эстетической концепцией Р.Кено, поэтический принцип повторения организует систему персонажей в романах писателя. Требование повтора приводит к появлению в произведениях Р.Кено многочисленных персонажей-двойников; само удвоение реализуется различными способами, подчас взаимопересекающимися, накладывающимися друг на друга

– один и тот же персонаж может входить в различные оппозиции.

Анализ двойниковых моделей в романах Р.Кено показывает, что стандартная бинарная оппозиция, лежащая в основе двойничества, утрачивает в произведениях писателя доминирующее значение. Отныне речь идёт не столько о двойничестве, сколько о *множественности* (курсив наш – М.Д.), то есть приоритет получает повторение как таковое. «Половинок» расщеплённой личности не обязательно должно быть две, потенциально возможно любое их количество. Этот факт подтверждают три брата Набонид («День святого Жди-не-жди»), четыре личности Сидролена («Голубые цветочки»), пять верных псов пажа Пострадала («Голубые цветочки»), семь аватаров князя мира и окрестностей Аруна-ар-Рахиса («Зази в метро») и пр.

Актуальная для всей литературы XX века, а для модернизма особенно, проблема многозначности человеческой личности, её исторической разделённости, получает осмысление и в романном творчестве Р.Кено. Соотношение Я=Я разрушается, отныне Я – это всегда еще и кто-то Другой. Присущая модернизму мифологизированная манера представления деятеля, при которой сознательно обнажаются и подчёркиваются двойниковые модели, направлена на «сворачивание» повествования как текста истории. По замечанию Ю.М.Лотмана, возникновению сюжетных, то есть собственно «исторических» текстов предшествуют досюжетные тексты мифологического типа, фиксирующие не нарушения порядка, а сам этот порядок, саму радость совершенного мироустройства¹⁹.

Принцип повторения, организующий систему персонажей в романах Р.Кено, и призван восстановить утраченное единство, свести вместе разрозненные элементы для достижения целостного законченного образа, обретение которого свидетельствовало бы о победе романа над историей. Вместе с тем, в произведениях Р.Кено повтор в системе персонажей никогда не бывает абсолютным – отсутствие идеального совпадения выступает неизбежным злом, данью романов истории. Таким образом, повествование оказывается в постоянном напряжении, внутреннем конфликте с собой, оно пытается преодолеть самое себя, свою генетическую связь с историей и наполниться счастьем и покоем Золотого века.

¹⁸ Агранович С.З., Саморукова И.В. Указ. соч. – С. 44.

¹⁹ Лотман Ю.М. О мифологическом коде сюжетных текстов. Семиосфера. – СПб.: 2004. – С. 670.

**DOUBLE IMAGES AS A MEANS OF CHARACTER SYSTEM ORGANIZATION
IN THE NOVELS OF RAYMOND QUENEAU**

© 2010 M.S.Doskovskaya^o

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

The article dwells on the double image models as one of the means of the organization of a character system in the novels of the XX-th century French writer Raymond Queneau.

Keywords: modernism, text organization, system of characters, repetition principle, double images system.

---

^o *Doskovskaya Mariya Sergeevna, Cand. Sc. in Philology,
Associate Professor of the department of Linguistics,
intercultural communications and welfare service.
E-mail: MS_Doskovskaya@mail.ru*